

1996 №6

***
 Я буду идти по твоей земле, по красному щебню, где нарисовано слово огонь. Теплое озеро красного листа, красная птица у большой горы, черный кофе черного льва. Светящаяся в темноте полночь приподнимает крышку кувшина, заглядывает в горшок с зерном, проносит ведро воды - светлая рыба - радость молока.

"Раскапывайте говорящих в земле слепых исполинов". Свет от боли и ключ от лампы - путь подковы в городе, где спрятано серебро этих царей.

***
 Опрокинулась глина, и теперь мифу не сдержаться - мимо красной от света и треснувшей тени миценские рыбы поплынут, трогая креветок, по черной чашке. И пока их чешуя от кирпичного теплого края пробирается в море, глажая комочки земли, вытекает молоко, и смывает черную краску удивленная оторопь брошенного узелка.

Мышь посвистывает в камышинку. И избравшая укрытием раковину, не видевшая моря, сдвигнет молнию к руке в складках одежды плакальщицы под бледным небом терракотовы.

***
 Начало октября придется на субботу. А твои письма ко мне растерялись по башенным знакомым, мышам и кричащим чайкам. Остается их только жалеть и недолго завидовать их болезненной

ПРОЗА "ЦИРКА ОДИНОКИХ"

Предлог для испуга, поворот головы, устаешь от долгого общения, это стекло между тобой и собеседником - твоя обязательная ноша, и если растает, где будешь тогда искать замочки и петельки на застежки для глаз, рук, чистого слова.

Тебе нравится не верить - что приходит так просто, в руках держать легкое не умеешь, радость твоя из измученных воспоминаний недельной давности.

Боже, - дай ей камень потяжелее - вот и радость ее будет, вот и ноша, и совесть чиста.

3.

Мягкие ступени, приближается из дома, в рыбачьи сети запуталась китайская утка.

Ты - воздух, тебе не больно. Ты все еще любишь огонь, и перед водой не страшно за прозрачность. Земля пугает тебя своей твердостью, но ты напрасно боишься оцарапать свои легкие плечи о ее корни, а растущие травы и деревья вытесняют тебя от земли - вот уже едва коснешься ее умной насмешливой руки. И что ты можешь сделать - гладить своими беспомощными ночными пальцами, шептать или фыркать в ответ на колкое замечание.

И лишь вода поможет утке-мандаринке в теплых сетях забыть свою родину, медленно вытеснит твою усталость и наполнит легкие, густая и радостная. Вода преберется к ночной земле, заполнит трещины,

ГАЛИНА ЕРМОШИНА

легкости.

Вот письмо только тому, кто не отвечает, кто теряет письма, кому они не нужны. Только это и будет разговор с тем, кто не живет, кого никогда не будет, кто успел остановить часы.

И из этого мира можно придумать еще меньший и уйти туда, где живут одни утренние великаны. И если смотреть снизу вверх - получается как бы дом или поделенный на двоих город.

***
 1.
 А здесь мимо черной земли хорошо идти босиком, держа в руках холодные ключи. Проснется мягкая белая трава, покажет тебе дорогу к выгоревшему морскому кладбищу. Стружки каменной осыпи думают о кусочке той тишины, что приносит мышь в вечернюю норку, и только звуки выползающих улиток рассказывают кусту о дожде. Там, где еще есть уголок, можно встретить мягкого зверя, наступившего в середину июльского пруда, теплая вода, стекающая с его усов, станет большим облаком между двух гор и перетечет в сторону черной земли. И тогда за ним ты увидишь своего долгого спутника, и подправишь падающую скалу, подставив под наклон косую медную тень.

***
 2.
 Здравствуй, летняя ночь. Твои теплые змеи упруго скользят в воду, твои большие глаза темнеют от приближения ладони ко лбу. И ночная ягода светится, перекатываясь по большому лесу. Твои дома держатся за руки и не пускают тебя в квартиры, где стены ласково прижимаются к человеку и сжимают горло и рот.

Так ты училась многое не замечать и боялась круглого зеркальца, оставленного на ночь неприкрытым отражением на столе. Глаза обращаются в темноту. Там легче всего стоять, закрыв. Каждый укус гладкого перетекающего в кольца выдает тебе влажную возможность задержки дыхания. Так густеет кровь. Виноватые больше не будут, и тебе не придется увиливать от ответа со всей невозможностью легкой походки. Теперь туда, где потемнело небо - с края скатерти стекает молоко, веранда полна зеленого липкого свечения, где они разбегаются. Там тебе зададут вопрос о самом любимом, привычном в дырячих сквозняках. Ты должна им ответить, не думая о складках плаща, где сцепились репейники. Промежутки заполнишь водой, плавниками, утиным тростником и пуговичным страхом.

Шуршит шерстяная в одеяле и просится к тебе, ты стараешься полюбить ее и запоминаешь ее лучшие дни, сосны, ветер, - что еще дать ей? - и не можешь взять за руку. Высмеиваются лишь цифры, да ясный холодный ответ, - осенний высокий подень. Не согреться, только дует из поцарапанных веток. И так забываешь телефон, и опять можешь только думать - туда, где потемнело небо.

3.
 Слишком простое воспоминание не может задержаться в твоих руках. Все, что тебе теперь нужно - это камень в корзинку, лучше два - и совесть твоя будет чиста. Опять ты выскользываешь из рук, чтобы пожаловаться на слишком теплую воду и слишком легкий воздух. Кто подсыпает льда и песку, того ты и запомнишь на этот год и выберешь в провожатые - не упрекнет в медленных шагах, вбок и почти назад - ты любишь возвращаться. Прошлое - твой дом, паутина - твой лист. Ты знаешь, что он не умеет не замечать, и приносишь свое, не защищаясь, чем большее - тем легче.

просочится в тайны ее, выдумает себе мысли, подслушает твой утренний диалог с ласковой и бережной, руки к тебе протянувшей глиной, да и отгородит молчаще, и ты, приближаясь наконец к земле, коснешься моей текучей поверхности, и лишь рыбы принесут тебе со дна ответом земли - блестящий пузырек воздуха.

4.

Что тебе сделать с водой, с ее беспощадностью и непрочностью. Ничего не принести в дар - обточит камень, успокоит землю, залечит упавший берег, и лишь испугавшийся воздух будет напоминать о прощении, некогда данном, давшем неподдающейся этой слабости робость примирения.

***

Тайна может быть лишь печалью - такие границы устанавливают сам приходящий. Поезд только помогает зренiu, скользящему в тихом воздухе октября. Мерным блеском проворчит бревенчатый желтый край некоторого песка или выпавшего из рук. Кто увидит твоё лицо, если оно закрыто руками. Как дать тебе яблоко, если заняты руки твои - делами, маленькими карандашами, черными земляными орехами. Это только печаль дает глазам отдохнуть у истончившегося горизонта. Кто же находит только имя - у ветра или зеленой юной крыши. Возраст - только примета,

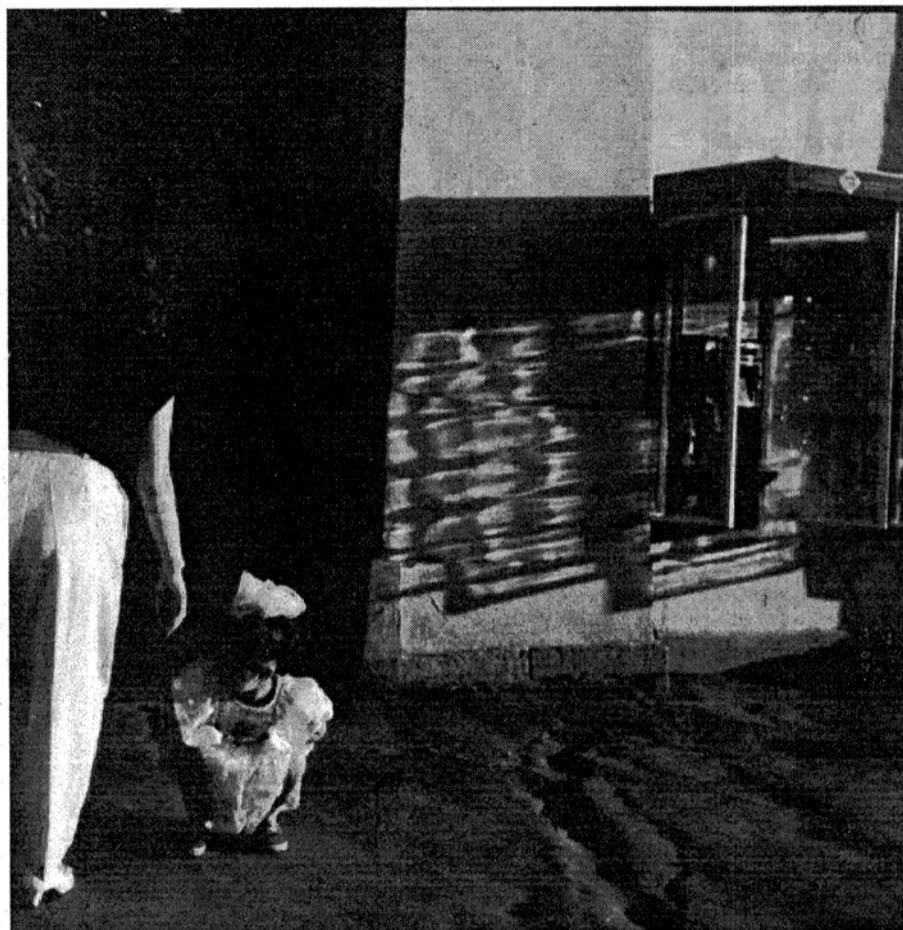
только начало ответа, только выдумка и только утренний предлог для печали. А море ждет всегда на другом конце, как отпечаток зимнего противостояния, холодного - смотри - вверх, почти по периметру или дальней ночи, приходящейся на лунный календарь. Так начинается начало. Так проходит та боковая дорога, что ничего не обещает, а только гордится своей ответвленной сущностью.

Что может узнати грифель из написанного им - только память неровного упругого нажатия, оболочка воздушного пузыря, рыбий ответ воде, тайна, морока, зависть, наваждение, причуда - выбирай, какое нужнее окажется потом. Может, и будет еще зеленая ряска и мутная вода. И как хорошо, что уже не можешь сказать яснее. Даже если захочешь. За расстоянием покажется незаметнее горчичное зерно, а однажды окажется, что вернувшийся - не встречен. И разве это вина? И тот, кто возвращается всегда другим, не ждет узнавания и просит верить на слово. Тогда захочешь обернуть взгляд - внутрь, где осталась вторая половина, пароль, бородка ключа от уже несуществующей двери, завтрашний суд и помеха, утрага и растворенная соль, и сон, сон, сон.

Часто бывает довольно увидеть. Слово уже не держит, становится слишком весомым и ощущимым. Одна надежда - увидеть то, что есть по ту сторону слова, если его не произнести. Частые чайки, бумажные птички, кораблики на ветке - как угадать его, так и не сказанное. Как бы ни умаялось, а все же - молочные реки, чернильные берега, не пей, Иванушка...

Слова обозначены датой, письмом, уходом, лишними жестами и виноватостью. Может, тот, кому не хватает возраста на лед и усталость, и поймет, как сказать ему об этом, но кто поможет позабыть потом, и как отойти, не обидев, не тронув руки, закрыв глаза, еще и поверив - во благо.

Ночная сторона ночи, и как оборот пластиинки - 33 в минуту - самый медленный режим, когда можно еще успеть расслышать неспешающие голоса и разобрать слова. Середины уже (еще) не хватает, когда речь заторопится, глажая слова, и все равно - не успеет. Речь разбухает, прорвется молчанием, долгим взглядом, сквозь огонь, только ему нужен воздух, а вода сама приходит из земли. Простые вещи расходятся до середины.

Мария Снигиревская. Без названия, 1995.